

В.С. Балакшин*

ИНСТИТУТ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы возвращения института дополнительного расследования в действующий УПК РФ. В опубликованных статьях авторов, выступающих против института направления дел судом для дополнительного расследования, приводятся только аргументы, которые свидетельствуют о нецелесообразности сохранения данного института. В данной статье предлагается более объективно исследовать положительные и отрицательные моменты, характеризующие данный институт. Подробно анализируются доводы таких авторов, как Б. Я. Гаврилов, В. А. Лазарева и других. Приводятся контраргументы, подтверждающие необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном законе институт возвращения судом дел для производства дополнительного расследования. Высказываются соображения, изучив ранее действующие основания возвращения дел для дополнительного расследования, сформулировать иные основания, которые бы позволили устранять допущенные органами расследования ошибки и нарушения в разумные сроки. Сравнительный анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 года и действующего уголовно-процессуального законодательства: методы исторического анализа, сравнительного правоведения. В статье формулируются дополнительные аргументы за возвращение института дополнительного расследования в УПК РФ. На основе анализа доводов авторов, придерживающихся позиции отказаться от данного института в российском уголовно-процессуальном законодательстве, приводятся теоретические и логические аргументы, свидетельствующие о возможности и необходимости реанимации данного института в российском уголовно-процессуальном законе. Выводы подтверждаются данными статистики возвращения уголовных дел судами, когда в ходе дополнительного расследования устранялись допущенные нарушения, восстанавливались права и интересы участников процесса, а дело при повторном рассмотрении в суде разрешалось в разумные сроки. Вывод: исследовать более глубоко данный институт, уточнить основания возвращения судом дел для дополнительного расследования, реанимировать данный институт в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: Уголовный процесс, Институт направления дел, Основания направления дел, Аргументы против, Разумные сроки, Прав и свобод, Аргументы за, Сравнительный анализ, Формулирование оснований, Причины направления.

DOI: 10.7256/1994-1471.2014.4.11145

Одной из неожиданных новелл вступившего в действие с 01 июля 2002 г. УПК РФ, как известно, явилось полное аннулирование института направления судами уголовных дел для производства дополнительного расследования. Института, который длительный период времени позволял исправлять самые разные по своей сути ошибки органов предварительного расследования, прокуратуры и нижестоящих судов, кстати, обусловленных, в том числе, ненадлежащим исполнением

своих обязанностей отдельными представителями названных органов. Исправлять, заметим, не нарушая, а, напротив, восстанавливая права и законные интересы не только лиц, пострадавших от преступных посягательств, но и привлеченных к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Надо полагать, был «списан» как рудимент советской эпохи в угоду западных экспертов. А напрасно. Как напрасно и то, что большая группа ученых и практических работников

© Балакшин Виктор Степанович

* Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Уральская государственная юридическая академия
[up@usla.ru]

620034, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54.

считает такое решение абсолютно правильным, а противников своей позиции в лучшем случае консерваторами.

Между тем данный институт – не изобретение советского законодателя, которого по разным причинам в последние два десятилетия пытаются представить эдаким монстром, ставившим своей целью как можно больше и любой ценой ограничить права и свободы личности. С точки зрения чистоты научных исследований хотя бы здесь следовало оценивать указанное обстоятельство объективно, преломляя результаты оценки через призму различных периодов и складывающейся в стране и на международном уровне ситуации. Так вот, институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования известен и российскому дореволюционному уголовному судопроизводству. Он был предусмотрен Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Согласно ст. 512 Устава «В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратиться к доследованию»¹. Во второй главе Устава предусматривался аналог настоящего института судебного доследования. В ст. 534 говорилось следующее: «Признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляет окончательное определение о предании суду или о прекращении дела, а в противном случае обращает его к доследованию или законному направлению». В соответствии со ст. 536 судебной палате предписывалось в случае если при рассмотрении следствия она признает, что «лицо, навлекшее на себя подозрение, не было привлечено к делу или что обвиняемый в одном преступлении навлекает на себя подозрение еще и в другом, то поступает по правилам, постановленным в статьях 515 и 516-й». В статьях 515 и 516 Устава предусматривалось, выражаясь современным процессуальным языком, право суда принять одно из двух решений: а) направить уголовное дело для производства дополнительного расследования с целью установить все эпизоды преступной деятельности и всех лиц, причастных к преступлению, инкриминированному обвиняемому; б) придать данному делу дальнейшее «законное направление», одновременно выделив материалы по не исследованным эпизодам и (или) в отношении других лиц в отдельное производство². Таким

образом, в указанном кодифицированном законе содержались разумные и здравые положения, позволявшие устранять допущенные при расследовании уголовных дел ошибки и нарушения, выразившиеся, в том числе, в неполноте проведенного следствия.

Право и, более того, необходимость направления судом уголовного дела для производства дополнительного расследования предусматривались в Декрете от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде», в Декрете ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде», а также в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.³. Так, в силу ч. 1 ст. 222 УПК РСФСР 1923 г. «Прокурор, получив в порядке статьи 105 Уголовно-процессуального кодекса материал дознания, рассматривает, является ли дело достаточно выясненным, и либо направляет дело для производства дополнительного дознания или для производства предварительного следствия, либо прекращает дело производством при наличии оснований, указанных в ст. ст. 4 и 202 Уголовно-процессуального кодекса, либо постановляет о предании обвиняемого суду»⁴. Статья 227 УПК РСФСР гласила: «Получив от следователя в порядке ст. 211 Уголовно-процессуального кодекса дело с обвинительным заключением, прокурор, признав следствие неполным, возвращает дело следователю с указанием на те обстоятельства, которые необходимо расследовать, каковое указание является для следователя обязательным». Суду право возвращать уголовные дела для производства дополнительного расследования предоставлялось в ст. ст. 233, 237, 238 УПК РСФСР.

УПК РСФСР 1960 г. развил институт дополнительного расследования, конкретизировав основания, по которым суд вправе был принять такое решение. В его части 1 ст. 232 предусматривалось, что суд в распорядительном заседании возвращает дело для дополнительного расследования в случаях: 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия; 3) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвини-

³ См.: Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012, № 9. С. 21–23.

⁴ УПК РСФСР 1923 г.

¹ См.: СПС «Консультант Плюс».

² См.: СПС «Консультант Плюс».

тельном заключении; 4) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела; 5) неправильного соединения или разъединения дела. Полномочиями направить уголовное дело для дополнительного расследования были наделены кассационная и надзорная инстанции (ст. 348 ч. 2, ст. 378 п. 2 УПК РСФСР 1960 г.). Кроме того, такое же право предоставлялось судебной инстанции, рассматривавшей уголовное дело по вновь открывшимся обстоятельствам. В ст. 389 содержалось требование, согласно которому Президиум суда или Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по вновь открывшимся обстоятельствам, вправе были принять решение «об отмене приговора, определения или постановления суда и передаче дела для производства нового расследования или нового судебного разбирательства». К сожалению, в УПК РФ такой нормы длительное время не было, а редакция действующего с ... 2013 г. пункта 1.1 очень неконкретна и «застенчива» и не позволяет разрешать ситуаций, требующих после отмены судебных решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам направлять дело для дополнительного расследования.

Чем пришелся «не по душе и не по сердцу» институт дополнительного расследования его противникам? Почему они выступают против его возвращения в российский уголовный процесс даже по основаниям, которые, как нам представляется, более чем очевидны?

В обоснование своей позиции эти ученые приводят различные доводы, нередко ссылаясь на выводы, содержащиеся в Концепции судебной реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 июня 1991 года. Такой вывод в Концепции действительно был сделан, но не в отношении всего института. В разделе IV, названном ее составителями «ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И МЕРОПРИЯТИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ (подраздел 12. Уголовный процесс)» говорилось: «В пореформенном законодательстве должны отсутствовать все рудименты обвинительной роли суда, а именно: – право возбуждать уголовные дела; – обязанность суда направлять подсудимому копию обвинительного заключения; – обязанность восполнять пробелы предварительного расследования за счет самостоятельного поиска доказательств... – обязанность направлять уголовные дела на доследование при неполноте расследования...»⁵. Еще раз подчеркнем, что предлагалось отказаться не от института вооб-

ще, а от таких оснований возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, которые выражались в *неполноте расследования*. Хотя и с этим предложением авторов Концепции без оговорки трудно согласиться.

Некоторые авторы, обосновывая неприемлемость «существования» в российском уголовном процессе рассматриваемого института, ссылаются на решение Конституционного Суда РФ, признавшего не соответствующими Конституции РФ требования пп. 1 и 3 ст. 232 УПК РСФСР, одновременно упрекая его и Верховный Суд РФ в непоследовательности и фактическом возврате этого института в практику. Так, по мнению В. А. Лазаревой, свою лепту в воссоздание института возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования внесли Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ. Анализируя конкретные решения названных судов, она отмечает, что их усилиями новый в УПК РФ институт возвращения дела прокурору, задуманный как средство быстрого устранения препятствий рассмотрения его судом, шаг за шагом превратился в привычное дополнительное расследование. То есть, заключает она, в средство продолжения и усиления обвинительной деятельности, устранения неполноты расследования, усматривая в этом нереализованность идеи разделения процессуальных функций между официальными субъектами уголовного судопроизводства с учетом принадлежности их к судебной или обвинительной власти, что и является корнем многих проблем правоприменительной практики⁶.

А. П. Кругликов аналогичным образом применительно к исследуемому институту оценивает деятельность законодателя. «Включенная в новый УПК РФ статья 237 под названием «Возвращение уголовного дела прокурору», – с сожалением пишет он, – первоначально особых опасений не вызывала... Однако в связи с внесением ряда изменений в ст. 237 УПК РФ суд фактически получил право направлять уголовные дела для дополнительного расследования. Так, в связи с принятием Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ утратили силу части 2, 4 и 5. Этими частями... устанавливался пятисуточный срок устранения допущенных нарушений, запрет на производство каких-либо следственных и иных процессуальных действий, не предусмотренный ст. 237 УПК РФ, содержалось требование о признании недо-

⁵ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. С. 85, 93.

⁶ См.: Лазарева В. А. Проблема возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования в свете состязательности // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – М.: Издательство «Юрайт», 2012. С. 177.

пустимыми доказательств, полученных по истечении пятисуточного срока, либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных ст. 237 УПК РФ»⁷.

Одним из убежденных и непреклонных сторонников забвения названного института является Б. Я. Гаврилов. В статье, посвященной памяти уважаемой П. А. Лупинской, он привел ряд справедливых и обоснованных аргументов, указывающих на минусы исследуемого института. Так, вряд ли можно возразить против того, что нередко фактическим препятствием для реализации принципа о доступе граждан к правосудию и разумных сроках его осуществления является институт судебного доследования. Согласно данным, приведенным автором, в 1995–2001 гг. судами ежегодно направлялось «для дополнительного расследования от 42, 5 до 52, 8 тыс. уголовных дел, по которым арестовывалось 20 тыс. граждан»⁸. Далее Б.Я. Гаврилов в отдельном разделе статьи приводит несколько доводов за исключение из УПК РФ рассматриваемого института. Все они состоятельны, большинство подкреплены данными судебной и прокурорско-следственной практики. Разве можно, например, возразить против того, что «институт доследования использовался и в случаях, когда судья не желал (в силу различных причин) брать на себя ответственность за разрешение уголовного дела, в том числе и за вынесение оправдательного приговора». Или с тем, что за решениями судьи о направлении дела для производства дополнительного расследования «нередко скрывалась допущенная судами волокита»⁹. Бесмысленно возражать и против такого аргумента, что в ряде случаев доследование использовалось «как способ «развала» уголовного дела»¹⁰.

Однако ни названные справедливые претензии к институту направления судом уголовных дел для производства дополнительного расследования, ни неразрешенность в УПК РФ двух ситуаций, на наличие которых в уголовно-процессуальном законе обоснованно ссылается Б. Я. Гаврилов, недостаточны, по нашему мнению, для того, чтобы отказать-

ся от данного института. Настораживает и то обстоятельство, что противниками института дополнительного расследования проблема исследуется односторонне. Пытаясь убедить читателей в обоснованности своей позиции, они приводят только те данные, которые свидетельствуют о недостатках и порочности этого института. Между тем анализируемый институт может и должен быть показан с другой, обратной стороны. Однако никто из упомянутых авторов не привел, например, данные о том, сколько уголовных дел после производства дополнительного расследования было повторно направлено в суд и успешно рассмотрено с вынесением законного и обоснованного приговора или иного судебного решения. Не приводят данные и о том, сколько обвиняемых освобождено от уголовной ответственности или их действия переквалифицированы на более мягкие статьи УК по причине того, что преступления, которые им инкриминировались первоначально, были совершены другими лицами и при дополнительном расследовании именно эти лица были привлечены к уголовной ответственности. Не приводятся данные о том, скольким обвиняемым было восстановлено право на защиту, право давать показания на родном языке и пользоваться переводчиком. О восстановленных правах потерпевших, гражданских истцов и их представителей говорить стало не то чтобы несовременно, но даже чуть ли не цинично. А это вообще – своеобразный нонсенс современной России. Между тем, подобных положительных примеров немало и, пожалуй, больше, чем негативного характера. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в обзоре Верховного Суда РФ «О практике направления уголовных дел для дополнительного расследования», опубликованного в 1999г. В нем говорится дословно следующее: «На протяжении многих лет стабильными остаются такие показатели: в среднем в год судами направляется на дополнительное расследование 10 процентов от общего количества поступивших дел; прокурорами опротестовывается около 20 процентов определений судов о направлении дел для дополнительного расследования; удовлетворяется 60 процентов протестов. Согласно статистике примерно 10 процентов от направленных для дополнительного расследования дел впоследствии прекращается органами дознания и предварительного следствия. Это свидетельствует о том, – констатируется в обзоре, – что, как правило, суды обоснованно направляли дела для дополнительного расследования»¹¹. Учитывая

⁷ Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 37– 38.

⁸ См.: Гаврилов Б. Я. Научная позиция П. А. Лупинской об институте судебного доследования // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Мат-лы Межд. Науч. – практ. конфер., посвященной памяти д.ю.н., проф. П. А. Лупинской: Сб. науч. тр. – М.: ООО «Изд-во «Элит», 2011. С. 12.

⁹ См.: Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ См.: Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 13.

¹¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

названные сведения, проведем расчеты применительно к 1998 г. В этом году в суд, по приведенным Б. Я. Гавриловым данным, направлено 1.147.839 уголовных дел. Следовательно, из них направлено для производства дополнительного расследования, округлим, 114.000 дел. По протестам прокуроров в суд возвращено с учетом процента удовлетворения протестов примерно 14.000. Из 100.000 оставшихся уголовных дел примерно 10.000 было прекращено органами дознания и предварительного следствия. Но 90.000 уголовных дел, за редким исключением повторных возвратов, нашли свое разрешение в суде и по ним постановлены законные и обоснованные приговоры. А, следовательно, тысячам граждан, включая не только потерпевших, но прежде всего обвиняемых, были восстановлены их права и законные интересы, которые оказались нарушенными при первоначальном расследовании. Не следует думать и о том, что при прекращении возвращенных судом на доследование уголовных дел органы расследования руководствовались только своими негативными, статистическими интересами.

Кроме того, совсем неправильно упускать из вида еще одно обстоятельство, которое автор настоящей статьи в свое время ощущал на своих следовательских плечах и профессиональном имидже: служебную и психологическую ответственность за судьбу дела. Направление уголовного дела судом следователю для производства дополнительного расследования расценивалось как серьезный брак в работе. И не потому, что могло отрицательно отразиться на карьере следователя, а потому что в душе любого нормального следователя это вызывало чувство неудовлетворенности своей деятельностью, если хотите, чувство профессиональной неполноценности. Последнее, пожалуй, и являлось самым большим стимулом работать добросовестно, оперативно, но соблюдая требования уголовно-процессуального закона. Отсюда вывод: затронутую проблему необходимо изучить глубже и всесторонней, без каких-либо эмоций, всегда приносящих больше вреда, нежели пользы, в том числе в научных изысканиях. Безусловно, рассматриваемый институт, предусмотренный в УПК РСФСР, был не без недостатков. Да, он использовался и органами предварительного расследования, и прокурорами, и судами для «улучшения» статистических отчетов. И даже для сокрытия серьезных нарушений уголовно-процессуального закона. Но разве это, позвольте спросить, дозволенный и честный аргумент для того, чтобы ратовать за отказ от данного института вообще. Собственно, как и любого другого, или, например, целой стадии.

Институт апелляционного обжалования судебных решений, выносимых мировыми судьями, имел немало недостатков. Однако это не помешало его сохранить и, более того, распространить практически на все уголовные дела, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 389.27 УПК РФ. На стадии предварительного расследования допускается немало нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, в том числе серьезных, на что и ссылается названный автор. Из судов прокурорам в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению дела в суде, ежегодно направляются тысячи уголовных дел. Разве данные институты не препятствуют реализации принципов доступа граждан к правосудию и рассмотрению дел в разумные сроки? Ответ представляется очевидным. Но данные институты плохо или хорошо позволяют решать задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством. В них есть недостатки. Но это не основание от них отказываться вообще. Вопрос в другом. Несовершенство закона необходимо устранять, может быть, даже путем разработки и принятия новой модели УПК РФ, что уже не раз предлагалось¹². Если же следовать логике сторонников отказа от института дополнительного расследования, то так можно договориться до отказа и от стадии возбуждения уголовного дела, и от стадии предварительного расследования. Ибо обе требуют времени для собирания, проверки и оценки доказательств, нередко длительного, а следовательно, увеличивают самые разумные сроки, которые, к слову, никто не определил и вряд ли сможет определить. Не сможет по той причине, что в принципе нет, и не может быть, одинаковых дел, также как нет одинаковых следователей. А если это так, то не может быть и сколько-нибудь одинаковых сроков.

Изложенное, а также ряд других обстоятельств дают основания для вывода о том, что предназначением института направления уголовных дел судом для производства дополнительного расследования является решение своих специфических задач, которые не может в действующей модели российского уголовного процесса решить ни один другой институт. Кроме, пожалуй, института возобновления уголовных дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Но об этом противни-

¹² См., например: Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: требуется новая редакция // Материалы Международной науч. – практ. конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ). М., 2007. С. 99–103.

ки анализируемого института, к сожалению, также умалчивают.

Между тем объективные исследования требуют всестороннего анализа «за» и «против». В этой связи несколько странным представляется довод о том, что позиция сторонников института дополнительного расследования обусловлена их настоящей или прошлой принадлежностью к суду или органам прокуратуры. Так, Б.Я. Гаврилов пишет дословно следующее: «Но особенно активно за восстановление в УПК РФ института возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования выступают представители прокуратуры и отдельные судьи. По своей сути их доводы о необходимости института доследования сводятся к практическим ситуациям, связанным с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое, например, с ч. 2 ст. 111 УК РФ на ч. 4 данной статьи в связи со смертью потерпевшего после направления уголовного дела в суд, о чем указывает Т. Л. Оксюк, или в связи с необходимостью переквалификации действия подсудимого с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 2 данной статьи, чем обосновывает свое мнение В. П. Дегтярев. Однако они опять наступают на те же «грабли» – запрет Конституционного Суда РФ дополнения ранее предъявленного обвинения и перепредъявления обвинения на более тяжкое, изложенный в указанном Постановлении от 8 декабря 2003 г.»¹³. Позволим себе возразить данным доводам.

Представляется, что Т. Л. Оксюк и другие представители прокуратуры (автор также бывший работник прокуратуры) и суда выступают за восстановление прав института судебного доследования, во-первых, не в силу своего отношения к ведомству, а поскольку есть проблема. Проблема серьезная и, к сожалению, осложненная при принятии УПК весьма легким к ней отношением законодателя. Во-вторых, оценивать доводы указанных «представителей» как сводящиеся к практическим ситуациям – явное преувеличение. Здесь надо, что называется, просто захотеть за практической ситуацией разглядеть проблему. А проблема всегда есть там, где, по нашему мнению, один пример из правоприменительной практики как в зеркале отражает типичную (негативную или позитивную) тенденцию. Причем такую, если она негативная, которая нередко порождает процессуальные тупики. Т. Л. Оксюк приводит один из таких примеров. А каким образом можно возразить и дать четкий ответ И. В. Жеребятьеву? Анализируя правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в упомянутом

Б. Я. Гавриловым Постановлении от 8 декабря 2003 г., он справедливо пишет, что в ней (позиции) «имеется очень существенное противоречие, не позволяющее в принципе что-либо изменить посредством подобного возвращения уголовного дела прокурору» (без выполнения пробелов предварительного расследования – Б.В.С.). «Как, – поясняет он далее свой вывод, – можно устранить такие нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на предварительном расследовании, как, например: отсутствие в деле постановления о возбуждении уголовного дела или о принятии его к производству; отсутствие в деле постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого»¹⁴. Данный список можно продолжить другими примерами. Достаточно вспомнить о том, как использовали особенности возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого некоторые депутаты разных уровней и члены участковых избирательных комиссий, раскрывая свой статус только при рассмотрении дела в суде. Каковы последствия данной ситуации, думается, раскрывать нет необходимости, они очевидны.

Оценивая изложенное в совокупности, есть основание заключить, что исследуемый и преследуемый институт российского уголовного судопроизводства необходимо возрождать.

Во-первых, он принципиально не противоречит Конституции РФ. Напомним правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в Постановлении от 20 апреля 1999г. № 7–П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород». В п. 1 данного Постановления сказано дословно следующее: «Положения пунктов 1 и 3 части первой статьи 232 и части первой статьи 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае не исполнимой в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 49 и 123 (часть 3), а

¹⁴ Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 144, 145.

¹³ Гаврилов Б. Я. Указ. соч. С. 18.

также статьям 46 (часть 1) и 52»¹⁵. По нашему мнению, позиция Конституционного Суда РФ изложена достаточно четко и ее должны были воспринять и разработчики УПК РФ, и законодатель. Институт дополнительного расследования имел полные основания сохранить свой статус, но с ограничениями, касающимися права суда возвращать уголовные дела прокурору для организации дополнительного расследования *по инициативе суда*. Что касается возвращения прокурору дел для дополнительного расследования по инициативе сторон, то это право суда признано Конституционным Судом РФ соответствующим Конституции РФ.

Объективную и научно-обоснованную позицию, на наш взгляд, по данному вопросу занял Верховный Суд РФ. В постановлении Пленума «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» от 08 декабря 1999 г. Верховный Суд дал судам достаточно четкие установки, какие решения следует применять при необходимости применения законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования. В Постановлении разъяснялось: «2. При решении вопроса о возвращении дела для дополнительного расследования судам следует иметь в виду, что в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. № 7–П положения пунктов 1 и 3 части 1 статьи 232 и части 1 статьи 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае не восполнимой в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 49 и 123 (часть 3), а также статьям 46 (часть 1) и 52. По смыслу данного Постановления суд не вправе по собственной инициативе возвращать дело для дополнительного расследования и в случае, если имеется основание для привлечения к уголовной ответственности по этому делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела (пункт 4 части 1 статьи 232 УПК РСФСР).

3. Направление дел на дополнительное расследование по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 5 части 1 статьи 232 УПК РСФСР

(существенное нарушение уголовно-процессуального закона органами дознания или предварительного следствия; неправильное соединение или разъединение дел), может быть осуществлено также по инициативе самого суда как при судебном разбирательстве, так и на стадии назначения судебного заседания. Указанное положение в равной мере относится к деятельности не только суда первой инстанции, но и судов кассационной и надзорной инстанций.

4. Обратит внимание судов на то, что возвращение дела для дополнительного расследования по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 3 и 4 части 1 статьи 232 УПК РСФСР, возможно лишь при наличии об этом ходатайства стороны»¹⁶.

Таким образом, в названных документах ни о каких дополнительных условиях, подобно тому, «если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия» речи не велось. Строго говоря, не было для этого и оснований. Ибо не вытекало из положений Конституции РФ, а в рамки здравого смысла и необходимости обеспечить, с одной стороны, доступ потерпевшего к правосудию, а с другой, права и интересы обвиняемого, подсудимого на защиту, на объективное и справедливое рассмотрение дела независимым, в частности, от органов предварительного расследования и прокурора, судом не вписывалось. Пришлось обращаться к нормам Международного права и вырывать из них нормы, гарантирующие подозреваемым, обвиняемым, подсудимым на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки.

Во-вторых, данный институт позволяет на законных основаниях, не делая, как в народе говорят, хорошую мину при плохой игре, разрешать патовые с точки зрения действующего УПК РФ ситуации. Например, когда в суде устанавливается, что преступление, инкриминируемое А., совершил Б., а А. – укрывательство и ему необходимо инкриминировать совершение этого преступления. В соответствии с частями 1, 1.1, 1.2 ст. 237 УПК РФ в действующей на настоящий момент редакции вернуть дело для перепредъявления А. и Б. обвинения, их допроса в качестве обвиняемых, выполнения других следственных и иных процессуальных действий суд не вправе. Ни по собственной инициативе, ни по ходатайству сторон. К сожалению, описанная ситуация не может быть разрешена и после признания Конституционным Судом РФ ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ, так как в данном случае,

¹⁵ СЗ РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

называя вещи своими именами, невозможно устранить нарушения без восполнения пробелов, допущенных при первоначальном расследовании. Ибо следует уточнять, детализировать действия и А., и Б., а следовательно, речь идет о восполнении пробелов проведенного ранее предварительного расследования.

Есть ли выход из этой ситуации? Если придерживаться позиции противников анализируемого института, действующих норм УПК РФ, то да. Суд вправе и обязан постановить заведомо незаконный и необоснованный приговор, руководствуясь пределами предъявленного обвинения и, в то же время, дополнительно полученными доказательствами. Проще говоря, либо оправдать и того, и другого. Либо Б. оправдать, а А. признать виновным в совершении менее тяжкого преступления, т.е. укрывательстве преступления. Хотя это будет незаконным решением, поскольку изложенные фактические обстоятельства, которые суд опишет в приговоре, будут существенно отличаться от описанных в обвинительном заключении. Возникает вопрос: что делать дальше? Расследовать вновь открывшиеся обстоятельства? Однако это не те обстоятельства, которые могут расследоваться в порядке главы 49 УПК. Они установлены в суде. Поэтому, по мнению противников института дополнительного расследования, в этой и ей подобной ситуациях следует оправдывать подсудимых и ставить точку. Принцип состязательности и гуманности восторжествует, преступники, познав вкус безнаказанности, продолжат преступную деятельность, а принцип неотвратимости ответственности продолжит оставаться в статусе декларации. Это, в свою очередь, не укладывается ни в какие рамки о понятии гуманности по отношению к правам потерпевших, общественным интересам и, более того, на определенном этапе господства такой уголовной политики поставит под угрозу общественную безопасность государства. В этом смысле следует отдать должное Конституционному Суду РФ, который не сразу, но все-таки пришел к необходимости разрешать вопросы, касающиеся конституционности норм УПК РФ, комплексно, во взаимосвязи с принципами и требованиями уголовного закона, норм и принципов Международного права. Ибо как-то однобоко выглядели ситуации, когда нормы уголовно-процессуального закона блокировали Уголовный кодекс РФ. Поэтому

вывод, сделанный в указанном постановлении Конституционного Суда, предстает логически выверенным и убедительным. Сделан в названном Постановлении и еще один вывод, на наш взгляд, концептуального характера и призванного напомнить всем исследователям, ради чего принималась Концепция судебной реформы, почему в ст. 1 Конституции РФ провозглашено, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство. Он обозначает положение суда в государстве, которое должно учитываться при разработке и принятии любой нормы закона, в том числе норм УПК РФ. Суть его в том, что «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны».

Можно приводить и другие аргументы в пользу возрождения института дополнительного расследования. Однако рамки статьи не позволяют этого сделать. Поэтому коротко сформулируем третий, обобщающий аргумент. Он вытекает из приведенных выше. По мнению автора, необходимо честно, не лукавя, не прикрываясь демократическими идеями признать, что институт дополнительного расследования есть один из нормальных, правовых механизмов устранения ошибок и нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных органами предварительного расследования как неумышленно, так и умышленно, независимо от того, какие цели при этом преследовались. При этом следует иметь в виду, что данный механизм позволяет устранять существенные нарушения закона намного быстрее, нежели, например, институт возобновления уголовных дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а следовательно, отвечает положениям закона о рассмотрении уголовного дела в разумные сроки. Разумеется, нормы данного института необходимо сформулировать ясно и четко как с точки зрения оснований возвращения уголовного дела прокурору для организации дополнительного расследования, так и с точки зрения порядка выполнения решений суда, прокурора, руководителя следственного органа и т. д.

Библиография

1. Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. 2012. № 9.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992.

3. Лазарева В. А. Проблема возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования в свете состязательности // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. – М.: Издательство «Юрайт», 2012.
4. Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10.
5. Гаврилов Б. Я. Научная позиция П. А. Лупинской об институте судебного доследования // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Мат-лы Межд. Науч. – практ. конфер., посвященной памяти д.ю.н., проф. П. А. Лупинской: Сб. науч. тр. – М.: ООО «изд-во «Элит», 2011.
6. Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: требуется новая редакция // Материалы Международной науч. – практ. конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ). М., 2007.
7. Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.

References

1. Konin V. V. Institut vozvrashcheniya ugovolnykh del dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: proshloe i nastoyashchee // Advokat. 2012. № 9.
2. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii / Sost. S.A. Pashin. – М.: Respublika, 1992.
3. Lazareva V. A. Problema vozvrashcheniya sudom ugovolnogo dela dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya v svete sostyazatel'nosti // Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlya magistrrov / pod red. V.A. Lazarevoi, A.A. Tarasova. – М.: Izdatel'stvo «Yurait», 2012.
4. Kruglikov A.P. Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossiiskoi Federatsii i vozvrashchenie sudom ugovolnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie // Rossiiskaya yustitsiya. 2013. № 10.
5. Gavrilov B. Ya. Nauchnaya pozitsiya P. A. Lupinskoi ob institute sudebnogo dosledovaniya // Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve. Mat-ly Mezhd. Nauch. – prakt. konfer., posvyashchennoi pamyati d.yu.n., prof. P. A. Lupinskoi: Sb. nauch. tr. – М.: ООО «izd-vo «Elit», 2011.
6. Khaliulin A. G. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks RF: trebuetsya novaya redaktsiya // Materialy Mezhdunarodnoi nauch. – prakt. konferentsii «Aktual'nye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya» (k 5-letiyu UPK RF). М., 2007.
7. Zherebyat'ev I. V. Lichnost' poterpevshego v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve. Orenburg: RIK GOU OGU, 2004.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.